

ОБРАЗ ПОЛЬСКОЙ ДИАСПОРЫ СИБИРИ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКИХ СМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЯ «НОВАЯ ПОЛЬША»)¹

Рассматривается история изучения образа польской диаспоры Сибири в Польше на материалах издания «Новая Польша». Анализируются языковые средства создания образа в аспекте концептуальной оппозиции «свой – чужой». Анализ материалов периодической печати показал, что в повествованиях о поляках в Сибири в центре внимания находятся ссыльные поляки. Видно их включение современным польским обществом в категорию «своих». Встречаются лексические маркеры идентификации двух уровней – групповом (наш) и личностном (мой). Информация о современных сибирских поляках на страницах издания «Новая Польша» выглядит гораздо скромнее. Тем не менее заметно, что при их описании чаще встречаются лексические выражения, маркирующие сибирских поляков с определенной степенью «чуждости». Номинанты Польши часто встречаются при создании образа современных сибирских поляков, но остальной контекст текстов значительно их обесценивает.

Ключевые слова: медиадискурс, поляки, Сибирь, Польша, «свой – чужой», этническая идентичность.

В современном мире привычным явлением стала так называемая жизнь в диаспоре. Наряду с диаспоральными сообществами, история которых насчитывает не одно столетие, формируются все новые. Обособленное от основного этнического массива на исторической Родине существование диаспор неизбежно ставит вопрос их целостности. Исследование этой проблемы целесообразно с использованием выработанного в лингвокультурологии концептуального подхода «свой – чужой». Категория «свой – чужой» является базовой культурологической категорией, которая позволяет члену лингвокультурного сообщества структурировать пространство и определять природу находящихся в нем объектов по отношению к самому себе или своему личному пространству: соответственно, отчуждая их или располагая в зоне субъекта высказывания [1].

Для изучения мнений, взглядов, представлений общественности как нельзя лучше подходят медиатексты. Тем более, что они являются не только каналом информационного обмена, но также выполняют функцию передачи культурного наследия, оказывая влияние на процессы этнической самоидентификации. Информационно емким, комплексным источником, включающим в себя различные по форме и содержанию материалы, которые позволяют получить разнообразную тематически и хронологически связанную информацию, является периодическая печать. Реализация оппозиции «свой – чужой» в медиадискурсе происходит часто имплицитно, через тональность дискурса, выбор лексических средств (высокую концентрацию положительной или отрицательной оценочной лексики) и др. Однако важно подчеркнуть, что в актуализации этой оппозиции участвуют языковые средства всех уровней – лексического, морфологического, синтаксического [2, с. 6].

В качестве своего рода исследовательского стержня может выступать образ диаспоры на исторической Родине. Тем более, что уже имеется методика изучения различных медиаобразов сквозь призму концептуальной оппозиции «свой – чужой» [3].

В России к числу многочисленных диаспор относится польская. В последние десятилетия в связи с изменением политической ситуации активизировались контакты между Польшей и российской Полонией. Польская сторона предпринимает целый комплекс мер, направленных на поддержку польского языка и культуры в России. В частности, интерес к польскому языку и культуре ярко проявляется в исследовательских работах студентов-филологов Томского государственного педагогического университета [4]. В свою очередь, видно, что поиск новых ориентиров для этнической идентичности у российских поляков также связан с исторической Родиной. В силу исторических причин формирования польской диаспоры в России значительная ее часть проживает в Сибири.

Тема восприятия польским обществом сибирских поляков затрагивалась в работах Н. Г. Галеткиной [5, 6]. Однако в центре внимания был официальный уровень восприятия в лице представителей государственных и общественных структур Польши, и тем более конкретного регионального сибирского сообщества – поляков д. Вершина Иркутской области. Данное исследование посвящено рассмотрению образа поляков Сибири, бытующего в Польше, сквозь призму бинарной оппозиции «свой – чужой». Не ставя целью охватить весь спектр характеристик, обозначим лишь основные тенденции вербального моделирования образа на примере одного из польских изданий.

¹ Supported by the Erasmus Mundus Action 2 Programme of the European Union.

Основу источниковой базы для исследования составили публикации в издании «Новая Польша». Это ежемесячный журнал на русском языке, издаваемый в Польше с 1999 г. У истоков журнала стоял известный польский журналист Ежи Гедройц, главный редактор журнала «Kultura», издававшегося польской эмиграцией в Париже. Важно отметить, что целеустановкой этого издания было преодоление стереотипов в отношениях Польши и России и сближение между странами. В своем обращении к читателям главный редактор Ежи Гедройц отмечал: «Выход в свет Вашего журнала я считаю событием, которое трудно переоценить, ибо от нормализации польско-российских отношений зависит не только будущее наших стран, но и будущее формирующейся объединенной Европы. Наша история – это кровоточащий регистр несправедливости и не сведенных счетов. Эти антагонизмы углублены взаимным незнанием. Как среди поляков, так и россиян бытуют деформированные представления друг о друге. Высокой целью Вашего журнала будет привлечение людей доброй воли с обеих сторон, для того, чтобы изменить такое положение вещей. Ближе узнать друг друга и вместе искать пути не только нормализации, но и сотрудничества» [7]. Стоит отметить, что в контексте заявленной темы нас будут интересовать только статьи польских авторов, а привлечение публикаций россиян будет оговариваться отдельно.

Журнал «Новая Польша» уже привлекался для изучения образа Востока, куда включалась и Сибирь [8]. В центре внимания оказались статьи А. Кучинского – этнолога, профессора Вроцлавского университета и директора Центра исследований о востоке при том же университете, автора многочисленных работ по полякам Сибири.

Как известно, первые выходцы из Польши появились в Сибири в XVII в. Однако многочисленным польское население здесь становится в XIX в. в связи с притоком ссыльных – участников освободительного движения в Польше 1830-х и 1860-х гг. В конце XIX – начале XX в. в Сибирь устремились пореформенные переселенцы, среди которых заметное место занимали поляки. В середине прошлого столетия польский компонент в регионе пополнился за счет депортированных. Время пребывания, степень интегрированности в сибирское общество, да и в целом историческая судьба каждого из этих миграционных потоков значительно разнятся. Тем не менее каждый из них внес свой вклад в формирование современного польского общества Сибири. Сегодня в Сибири, только в границах Томской, Новосибирской, Омской, Иркутской областей, Красноярского края, проживает более 6 тыс. поляков [9].

Даже при беглом взгляде на тексты о поляках в Сибири видно, что в центре внимания находятся ссыльные поляки. Ключевым средством создания образа польских ссыльных является использование лексем, номинирующих их польское происхождение: *польские семьи, польские инженеры, польские специалисты, польские каторжники, наши соотечественники, лучшие сыны*. Еще одним подтверждением включения ссыльных в категорию «своих» является высокая концентрация положительной лексики: *«хорошие врачи, учителя», «воспитатели, способные обучать и музыке, и танцам, и живописи», «честные и опытные администраторы золотых приисков»* [10]. Особенно имея в виду, что эти лексемы часто употребляются в контексте культуртрегерской роли поляков в Сибири: *Иркутск тогда был самым большим городом Сибири, большинство практикующих врачей составляли поляки. Благодаря нашим соотечественникам была создана первая в городе городская поликлиника* [11]. Встречаются лексические маркеры идентификации двух уровней – групповом (наш) и личностном (мой): *А может, здесь лежит наш девятнадцатилетний солдатик из сентябрьской кампании, паренек из моей Варшавы, которым командовал мой дедушка?* [12].

Итак, какими же чертами наделяются ссыльные поляки, идентифицируемые современными поляками в качестве «своих», на фоне места их ссылки – Сибири? Стоит отметить, что некоторые характеристики представлены имплицитно и вытекают из самого понятия «ссыльные поляки». В публикациях к ссыльным полякам относят и участников польских восстаний XIX в., и депортированных 1940-х гг., а значит, речь идет о поляках, родившихся в Польше и насильственно сосланных в Сибирь.

Для ссыльных поляков характерно негативное восприятие Сибири, что естественно объясняется насильственным характером переселения. И первый шаг к формированию этого образа начинается еще с восприятия дороги. В публикациях красноречиво описываются испытания, перенесенные ссыльными в дороге: *Большинство польских каторжников и ссыльных XIX века хуже всего вспоминало дорогу в Сибирь. Грязные этапы и полуэтапы, полные насекомых, гул проклятий и оргии уголовников – муже-, жено- и детоубийц, хваставшихся своими преступлениями; примитивные, вечно пьяные этапные офицеры и солдаты, и т. д., и т. п. Потом, на месте, все оказывалось далеко не таким страшным, как предполагалось, по сравнению с пережитым в пути* [10]. Безусловно, столь негативное восприятие ссыльными дороги объяснялось не только реальными тяготами,

но и страхом перед неизвестностью на новом месте.

При описании Сибири в текстах активно используются языковые единицы с семантикой страдания. Так, рассказывая о книге Збигнева Домино «Польская Сибириада», автор статьи отмечает, что она о страшной жизни в Сибири, о тех мучениях и потерях, которыми эта жизнь сопровождалась [13]. Также в ряд характеристик Сибири вошли следующие: *сумма испытаний, которые стали уделом польских ссыльных* [10], *пространство общей трагедии* [14]. Колыма же воспринимается как кошмар двадцатого века, самый страшный остров архипелага ГУЛАГ, российская голгофа, белый крематорий, сплошное огромное кладбище [12].

Еще одна отличительная черта восприятия Сибири ссыльными поляками – это отсутствие установочной ориентации на инкорпорацию в сибирское общество и надежда на возвращение на Родину. В публикациях, например, можно встретить такое повествование: *Все – и взрослые, и дети – знали, что они вот-вот вернутся в Польшу (обязательно вернутся)* [13]. Стилистический прием повтора – вот-вот, «вернутся (обязательно вернутся)» – с использованием вставной конструкции придает тексту особую эмоциональность.

В числе характеристик ссыльных поляков можно назвать и сохранение ими ценностей, привитых на Родине, в том числе – получение образования. Среди ссыльных XIX в. широко был представлен слой польской интеллигенции, убежденный, что образование открывает возможность найти оптимальный жизненный путь. Подтверждением могут служить следующие примеры: *Предки Неводничанских по женской линии, Правохенские и Свентожецкие, после восстания 1863 г. изгнанные из родовых имений и сосланные в Сибирь, благодаря учебе в русских университетах оставались интеллигентами; Жена Романа Правохенского Елена, урожденная Свентожецкая, дочь ссыльного инженера, была первой польской выпускницей Смольного института благородных девиц* [15, с. 38]. Такие же установки входили в стратегию поведения депортированных: *...надо учиться, надо приобретать простые житейские и трудовые навыки, надо любить друг друга и держаться друг за друга* [13].

Таким образом, среди характеристик, которые, видимо, и позволяют современным полякам причислять ссыльных к числу «своих», можно назвать следующие: рождение в Польше, статус ссыльного, т. е. насильственное переселение в Сибирь в XIX в. или середине XX в., отсутствие установки на интеграцию в сибирское общество, стремление к получению хорошего образования. В связи с тем,

что ссыльные поляки воспринимаются в качестве «своих», их представление о Сибири как о месте ссылки стало важным компонентом исторического сознания поляков, а следовательно, фактором самоидентификации. Приведем одно из рассуждений: *Сибирь ассоциируется у нас с проклятым местом ссылок, лагерей и репрессий* [11].

Информация о современных сибирских поляках на страницах издания «Новая Польша» выглядит гораздо скромнее. Тем не менее заметно, что при их описании чаще встречаются слова и выражения, маркирующие сибирских поляков с определенной степенью «чуждости». Так, преобладают способы описания с косвенным указанием на «польскость»: *местные активисты Полонии, местная интеллигенция, значительная часть которой имеет польские корни* [11]. Еще один часто используемый при описании речевой прием – упоминание линий родства: *потомки ссыльных поляков* [10], *потомки поляков, их прадедушка или прабабушка были поляками* [11].

Рассмотрим, какими характеристиками наделяются современные сибирские поляки в текстах «Новой Польши». В первую очередь обратимся к тем факторам, которые выступали в качестве консолидирующих в случае со ссыльными поляками, в их числе – место рождения. Совершенно очевидно, что Польша не является местом рождения для нынешних поляков, проживающих в Сибири, она была родиной их предков. Хотелось бы обратить внимание, что в текстах встречаются нотки сомнения относительно происхождения некоторых поляков: *некоторые признаются (иногда без достаточных оснований), что их прадедушка или прабабушка были поляками* [11]. Подобный стилистический прием, когда совершенно необязательное для выражения основной мысли высказывание употребляется вскользь, в скобках, является знаковым и символичным. Подтекст такого оформления мысли вполне очевиден. Кроме того, в составе современных сибирских поляков есть и добровольные переселенцы, которых в Сибирь, по их словам, манили «калачи на березах» [16].

С местом рождения связан еще один маркер границы «свой–чужой» – восприятие Сибири. На страницах издания встретилось весьма содержательное рассуждение на эту тему: *Сибирь ассоциируется у нас с проклятым местом ссылок, лагерей и репрессий. Однако потомки поляков горячо протестуют, когда слышат выражение «бесчеловечная земля» по отношению к своему краю. – Эта земля очень даже человеческая, здесь можно нормально жить, это наша малая родина, – слышал я много раз во время путешествия* [11]. Здесь мы видим четкое стилистическое выделение категорий «свои» («у нас») и «чужие» («потомки поляков»),

и причину дистанцирования – разное восприятие образа Сибири.

При описании сибирских поляков заметное место занимает фактор языка. Тот факт, что польский язык для ссыльных поляков был родным, а следовательно, выступал в качестве фактора этнической идентичности, совершенно очевиден и не рефлексировался в текстах. Ситуация же с польским языком в современной Сибири выглядит неоднозначно. С одной стороны, в публикациях содержатся свидетельства утраты польского языка или его слабое знание. В публикациях встречается упоминание о правнучке польского врача Целестина Цехановского, которая уже не помнит польского языка, или о заместителе главы польской организации в Улан-Удэ Иванове, который знает много польских выражений [11]. Кстати, можно сказать, что публикации российских авторов лишь укрепляют эту позицию. В статье о сибирских поляках д. Вершина подчеркивается, что они *разговаривают в семьях с краковским акцентом, но с трудом читают и пишут по-польски* [17, с. 33]. Однако, с другой стороны, владение польским языком не обязательно является показателем принадлежности к польскому народу. Среди сибирских жителей встречаются, например, буряты, *говорившие по-польски, лучше, чем местные активисты Польши* [11].

Вероятно, такие примеры расхождений между этническим происхождением и владением польским языком или, по крайней мере, интересом к его изучению и порождают некий скепсис в отношении преподавания польского языка в Сибири. Приведем небольшой отрывок из публикации: *В городке Усолье-Сибирском действует единственная в России государственная школа, где дети могут выбрать польский в качестве иностранного языка. И выбирают. Анна Ксель учит нашему языку 200 из 600 учеников гимназии. ...Среди детей нет практически никого, кто прямо считал бы себя поляком. ...Никто не может убедительно объяснить, почему гимназия находится именно в Усолье* [11].

Знакомство поляков с сибирскими поляками происходит прежде всего через полонийные организации. Однако и здесь встречается расхождение между этнической принадлежностью и, на этот раз,

членством в полонийной организации. В одной из публикаций содержится довольно подробное описание одного из активистов польской организации, действующей в Сибири: *Моя бабушка была из Польши. Хотя возможно, что она была не полькой, а еврейкой, – говорил мне с улыбкой Геннадий Иванов, заместитель главы польской организации «Надежда» в Улан-Удэ. Иванов знает много польских выражений, ходит в футболке польской сборной и называет себя бурятско-польским националистом. Если не считать его бабушки неизвестной сегодня национальности и польской жены Марии, Иванов – стопроцентный бурят, полностью укорененный в буддийской культуре региона. Видимо, этот особенный польский soft power захватывает не только прямых потомков ссыльных* [11]. Речевая стратегия в этом отрывке построена на противоречиях: *Моя бабушка была из Польши. Хотя возможно, что она была не полькой; Геннадий Иванов, заместитель главы польской организации, хотя он стопроцентный бурят, полностью укорененный в буддийской культуре региона. Можно предположить, какой вывод сделает польский читатель о поляках Сибири по прочтении приведенного фрагмента.*

Как видим, номинанты Польши часто встречаются при создании образа современных сибирских поляков, но остальной контекст значительно их обесценивает. Рождение в Сибири и восприятие ее в качестве Родины, а также утрата польского языка стали основными факторами для дистанцирования. Однако, несмотря на это, отношение Польши к российским полякам, в том числе и сибирским, можно назвать патерналистским. Как сказано в одной из статей: *У меня нет сомнений, что польское государство обязано интересоваться судьбой поляков за рубежом: и тех, кто наделен там статусом национальных меньшинств, и тех, кто этого статуса не имеет* [18].

Итак, применение концептуального подхода «свой – чужой» при анализе текстов издания «Новая Польша» показало двойственность восприятия польским обществом польской диаспоры Сибири. Более близкими, а следовательно, идентифицируемыми в качестве «своих» являются ссыльные поляки. В то же время некоторое отчуждение заметно в отношении современных сибирских поляков.

Список литературы

1. Иванова С. В. Специфика оценочного значения в реализации категории «свой – чужой». URL: http://92.42.8.10/lib/publications/University_Reading/2010/IV/uch_2010_IV_00029.pdf (дата обращения: 15.05.2014).
2. Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 28 с.

3. Пронина Е. С. Образ женщины-политика в англоязычной прессе: свой среди чужих или чужой среди своих? // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников: материалы науч.-практ. конф. к 70-летию фак-та междунар. отношений (Москва, 4–5 октября 2013 г.). Т. 2 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО–Университет, 2013. С. 68–73.
4. Гузеева А. В. Лингвокультурологические исследования студентов-филологов Томского государственного педагогического университета на материале польских и российских СМИ // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2014. Вып. 2 (143). С. 71–75.
5. Галеткина Н. Г. «Соотечественники» в сибирской деревне: взгляд из Польши // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 4/1. С. 41–45.
6. Галеткина Н. Г. Польские соотечественники в сибирской деревне Вершина // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. С. 592–602.
7. Гедройц Е. К читателям «Новой Польши» // Новая Польша. 1999. № 1. <http://www.novpol.ru/index.php> (дата обращения: 01.04.2014).
8. Перси У. Образ Востока на страницах журнала «Новая Польша» // Современный дискурс-анализ. 2013. № 9. С. 10–16. URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada9/st62.shtml> (дата обращения: 23.04.2014).
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.05.2014).
10. Сливовская В. Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (дата обращения: 01.04.2014).
11. Потоцкий М. Польские ссыльные в Сибири // Новая Польша. 2013. № 5. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (дата обращения: 01.04.2014).
12. Соболев Э. Колыма // Новая Польша. 2012. № 4. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (дата обращения: 01.04.2014).
13. Дети на Урале // Новая Польша. 2008. № 10. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (дата обращения: 05.04.2014).
14. Карпинский М. Сибирь – общее историческое пространство // Новая Польша. 2009. № 2. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (дата обращения: 05.04.2014).
15. Байер М. Дом каторжан // Новая Польша. 2010. № 10. С. 38–41.
16. Полевые материалы автора.
17. Корольков А. Сибирские поляки из Вершины // Новая Польша. 2010. № 10. С. 33–37.
18. Ягелло М. Национальные меньшинства в Польше // Новая Польша. 2001. № 9. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (дата обращения: 05.04.2014).

Гончарова Т. А., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634041.
E-mail: gta.76@mail.ru

Материал поступил в редакцию 21.08.2014.

T. A. Goncharova

THE IMAGE OF POLISH DIASPORA IN SIBERIA IN MODERN POLISH MASS MEDIA (BASED ON THE MATERIALS OF «NEW POLAND» JOURNAL)

The article is devoted to studying the image of Polish diaspora of Siberia in modern Poland. The materials under study were publications in the monthly journal written in Russian “Новая Польша” (The New Poland) issued in Poland since 1999. The linguistic means creating the image considering the binary opposition “friend – foe” are being analyzed in this work. The analysis of periodicals has shown that in narrations about Poles in Siberia the exiled Poles are in the limelight. Their inclusion into “friends” by modern Polish society is observed. The vocabulary markers of two levels are met: group level (our) and personal (my). It was defined that among the properties allowing considering the exiled Poles as “friends” are as follows: birth in Poland, the status of exiled, i. e. forcible transfer to Siberia in XIX century or in the middle of XX, lack of mindset to integrate with the Siberian society, striving for good education. As the exiled Poles are considered being “friends”, their perception of Siberia as of the place for exile became one of the main components of historical perception of Poles and therefore the self-identification aspect. The information about modern Siberian Poles on the pages of “Новая Польша” newspaper looks more decent. However it is observed that while their description the vocabulary characterizing Siberian Poles with a definite degree of “foreignness” is often met. The Poland nominates are often observed when creating the image of modern Siberian Poles; however the rest context of the text makes them lose their value. Being born in Siberia and its perception as the motherland as well as loss of Polish language became the main factors of distance formation. Therefore, the application of binary opposition “friend – foe” showed the double nature of perception of Polish diaspora in Siberia by Polish society. Exiled Poles are felt closer and therefore defined as “friends”. Some kind of foreignness is seen in regards to modern Siberian Poles.

Key words: *media discourse, Poles, Siberia, Poland, “friend – foe”, ethnic identity.*

References

1. Ivanova S. V. The specific nature of assessment value when realizing the category "friend – foe". URL: http://92.42.8.10/lib/publications/University_Reading/2010/IV/uch_2010_IV_00029.pdf (Accessed: 1 May 2014). (in Russian).
2. Alieva T. V. *Language means of realizing the conceptual opposition "friend – foe" in British political discourse*. Abstract of thesis cand. of philol. sci. Moscow, 2013. 28 p. (in Russian).
3. Pronina E. S. Image of woman-politician in English media: friend or foe? // *The magic of INNO: new technologies in language preparation of international relations specialists*: Proceedings of Research and Practice Conference devoted to the 70th anniversary of the Department of International Relations (Moscow, October 4–5, 2013). Vol. 2. Moscow State Institute of International Relations. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2013. Pp. 68–73 (in Russian).
4. Guzeeva A. V. Linguistic and cultural research of students philologists of Tomsk State Pedagogical University on the material of the Polish and Russian mass media. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 2 (143), pp. 71–75 (in Russian).
5. Galetkina N. G. "Fellow-countrymen" in Siberian village: look from inside Poland. *The News of Altai State University*, 2011, no. 4/1, pp. 41–45 (in Russian).
6. Galetkina N. G. Polish countrymen in Siberian village Vershina. *East of Russia: migrations and diasporas in migrant society. The milestones of XIX–XX and XX–XXI centuries*. Scientif. ed. V. I. Diatlov. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011. Pp. 592–602 (in Russian).
7. Gedroits E. To the readers of "New Poland". *New Poland*, 1999, no. 1 (in Russian).
8. Persi U. The image of the East on the pages of "New Poland". *Modern discourse-analysis*, 2013, no. 9, pp. 10–16. URL: <http://www.discourseanalysis.org/ada9/st62.shtml> (Accessed: 1 May 2014) (in Russian).
9. *Report of all-Russian population census 2010*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Accessed: 1 May 2014) (in Russian).
10. Slivovskaya V. Polish Siberia – myths and reality. *New Poland*, 2010, no. 1 (in Russian).
11. Pototskiy M. Polish exiled in Siberia. *New Poland*, 2013, no. 5. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (Accessed: 01 April 2014) (in Russian).
12. Sobol E. Kolyma. *New Poland*, 2012, no. 4. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (Accessed: 01 April 2014) (in Russian).
13. Children in the Urals. *New Poland*, 2008, no. 10. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (Accessed: 05 April 2014) (in Russian).
14. Karpinskiy M. Siberia – general historical areas. *New Poland*, 2009, no. 2. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (Accessed: 05 April 2014) (in Russian).
15. Bayer M. House of convicts. *New Poland*, 2010, no. 10, pp. 38–41 (in Russian).
16. Author's field data.
17. Korolkov A. Siberian Poles from the village Vershina. *New Poland*, 2010, no. 10 (in Russian).
18. Yagello M. National minorities in Poland. *New Poland*, 2001, no. 9. URL: <http://www.novpol.ru/index.php> (Accessed: 05 April 2014) (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru